

Раздел 2 ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Маловичко С.И. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

С последней четверти XX в. наблюдается трансформация функций гуманитарного знания, ослабление его рационалистической составляющей. Поэтому, в эпоху постпостмодерна, рефлексия о неоклассической модели исторической науки заставляет обращаться к проблеме поиска новых познавательных возможностей истории.

На мой взгляд, актуализация вопроса об источниковедении историографии вызвана несколькими факторами. Возрастание роли истории происходит в ситуации, которая характеризуется все большим *размежеванием разных типов исторического знания*: научного и социально ориентированного. Этот процесс связан с тем, что научное историческое знание старается найти более строгие научные основания профессиональной деятельности историков. Неслучайно, нидерландский историк М. Гривер обращает наше внимание на пересмотр параметров истории историографии [13, р. 46–47], а Л.П. Репина делает вывод о своевременности формирования *нового направления исторической критики*, «все дальше уходящего от описания и инвентаризации исторических концепций» и позволяющего исследовать не столько историографические направления и школы, а профессиональную культуру в целом [8, с. 209–210].

Наблюдающееся *отсутствие строгости в исторических исследованиях* вызывает необходимость формирования критериев, помогающих различать и классифицировать историографические практики. Сегодня наблюдается смешение понятий, путаница в дисциплинах, направлениях и предметных полях исторической науки, а иногда даже в моделях исторического знания и функциях научной и научно-популярной литературы. Приведу несколько примеров:

1) Современные иранские историки, исследуя «Краткую историю Шекинских ханов» Керим Ага Фатеха (первая половина XIX в., Азербайджан) применили по отношению к ней понятие «*местная история*» (local history) [14, р. 135–141]. Однако, во-первых, история ханства, генеалогическая история (история ханов) – это не местная история, во-вторых, понятие «местная (local) история» относится к европейской традиции историописания, но не к восточной. 2) Известный российский историк актуализацию внимания к *региональной истории* как направлению научной истории расценил как свидетельство возрастающего внимания к проблематике *краеведения* [11, с. 27], относящегося к социально ориентированному типу исторического знания. 3) Профессиональные историки могут утверждать, что сегодня в научной истории приобретает особую ценность яркость стиля и популярность изложения [6, с. 48–55]. Однако доступность для непосвященного читателя всегда ценились в популярной исторической литературе, но научную историю отличала и отличает, в первую очередь, – научная строгость.

И, конечно, наше внимание к источниковедению историографии обусловлено теоретико-познавательной концепцией Научно-педагогической школы источниковедения – сайт Источниковедение.ru [2]), научным принципом которой является – *история как строгая наука*.

Говоря об индикаторах измерения состояния научного знания О.М. Медушевская отмечала, что одной из важнейших задач современной исторической науки и исторического образования должна стать выработка критериев, позволяющих «отличать логику создания исследовательского труда, создания научного произведения, целью которого является новое знание, от другой логики создания повествования, в интриге которого смешивается представление о научной истине и человеческой фантазии» [3, с. 35]. Научные основания истории историографии может предоставить лишь логический процесс верификации получаемых результатов исследования, базой которого служит *источниковедение историографии*, а её наиболее актуальной задачей является *классификация историографических источников*.

В отечественной исторической науке, как ни в какой другой, имелась давняя прочная источниковедческая традиция, которая оказала влияние на развитие, как общей теоретической базы истории исторической науки, так и ее исследовательских приемов. Советские историки уже в 60–70-х гг. XX в. подняли вопросы, касающиеся, с одной стороны, сути истории исторической науки как специальной исторической дисциплины [5, с. 6–26], а с другой стороны, о специфике историографических источников [9, с. 266–274], что свидетельствовало об изменении статуса историографии в структуре исторического знания. Интересно отметить, что этот процесс в те же самые годы обозначился и в западноевропейской, а также американской историографиях, где с начала 1970-х гг. историков перестало удовлетворять «дополняющее» / «специальное» по отношению к истории место историографии в образовательной и научной практиках [12, р. IX]. Однако вопрос об источниках историографических исследований был актуализирован именно в советской историографии и в этом процессе активное участие приняли источниковеды.

Одной из черт советской практики изучения истории истории, которая проявляет себя и сегодня, стало обращение внимания не только на линейный процесс развития исторической науки, но и на общественную мысль, которая могла отличаться, например, от «дворянской» или «буржуазной официальной» историографии своей «неофициальностью», а значит, как отмечала ведущий советский специалист в области истории исторической науки М.В. Нечкина, «прогрессивностью» исторической мысли, носителями которой были «непрофессионалы» [5, с. 14–15].

Виды историографического исследования: «историография», «история исторической науки», «проблемная историография», «история исторического знания» и т.д. последней трети XX – начала XXI в. не актуализировали вопрос о проведении различия между типами исторического знания и даже научной историей и исторической (общественно-политической) мыслью. С одной стороны, это способствовало обращению исследователей историографии к историческим источникам иных видов (публицистика, периодическая печать, источники личного происхождения и т.д.), позволившим изучать историографический быт, творческую атмосферу и «микроклимат» развития науки, биографии историков, историю научных школ, взаимоотношение учителя и учеников и т.д., но, с другой стороны, не вело к формированию практики изучения базового историографического источника – трудов историков, тем самым смягчая *деконструирующий* – по отношению к историческому знанию – эффект истории истории.

Актуализация в последней четверти XX в. вопроса об историографических источниках вызвала среди историков рефлексию о самом этом понятии. Так, Л.Н. Пушкарёв посчитал, что «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки» [7, с. 102–103]. А.И. Зевелев дал несколько иное определение, заметив, что «историографическими источниками являются те исторические

источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, проистекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования» [1, с. 120]. В российской историографии получило распространение определение историографического источника, которое еще с начала 80-х гг. XX в. начал формулировать С.О. Шмидт: «историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)» [10, с. 185].

В указанных определениях и практике классификации историографических источников присутствует общая черта – подмена видовой специфики историографического источника спецификой исторических источников иных видов. Профессиональному историку все-таки необходимо уметь отличать первые от вторых.

Следует отметить, что сегодня в исторической науке присутствует два подхода к историографическому источнику. Первый, – историографический источник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. Второй подход, предлагаемый Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru, основан на принципе «*признания чужой одушевленности*»; он помогает современному исследователю рефлексировать о целеполагании автора того или иного исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, которое должно выполнять определенную функцию.

Исходя из последнего, сформулируем определение историографических источников: Историографические источники, – это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного.

В современном историографическом исследовании применимы те же принципы, что и в источниковедении источников иных видов, теоретически обоснованные в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской [4]. Их применение, с одной стороны, дает возможность заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны, – помогает преодолеть линейность историографического процесса, дополняя его коэкзистенциальными связями.

Концепция когнитивной истории предполагает, что произведения историков прошлого по отношению к наблюдателю-исследователю выступают эмпирической реальностью – вещью, которая, сама по себе, реализованный интеллектуальный продукт, результат целенаправленной человеческой деятельности, выступающий в процессе познания как особый феномен. Этот феномен представляет собой важнейший вещественный объект, при помощи которого в обществе осуществляется обмен информацией. Таким образом, источниковедческий подход к истории истории может строиться на *феноменологической концепции*, которая является источниковедческой по своим ключевым принципам.

Функция того или иного произведения историка, определяемая по цели создания его труда, выступает основанием классификационной процедуры, проводимой исследователем историографии. Процедура выделения видовой структуры историографических источников производится не в соответствии с целью современного исследователя или произволом библиографа, а основывается на принципе *целеполагания его автора* – «Другого» (т.е. авторском замысле историка прошлого). Система таких интеллектуальных продуктов как произведения историков имеет выраженную их функцией видовую форму. Поэтому в качестве объекта источниковедческой операции выступает уже не отдельно взятое произведение, а система (*видовая структура*) историографических источников, соответствующая определенному типу культуры.

В отличие от иерархической практики классической науки, феноменологическая концепция источниковедения, в основу которой заложены принцип «признания чужой одушевленности», позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, лекции, учебные пособия и т.д.) и группы (по типам исторического знания: научное и социально ориентированное) историографических источников по целеполаганию и структурировать работы историков не по значимости, а рассматривать их как *рядоположенные*. Такая практика также помогает выявлять иной по отношению к научной истории тип исторического знания.

1. Зевелев, А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А.И. Зевелев. – М.: Высшая школа, 1987. – 160 с.
2. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д.А. Добровольский и др. – Электрон. дан. – М., сор 2010–2013. – Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>.
3. Медушевская, О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений / О.М. Медушевская // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. – М.: РГГУ, 2002. – С. 20–36.
4. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
5. Нечкина, М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / М.В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. – М., 1965. – С. 6–26.
6. Пивовар, Е.И. Т.И. Хорхордина и новое историческое архивоведение / Е.И. Пивовар, А.Б. Безбородов, С.В. Карпенко // Новый исторический вестник. – 2013. – № 35. – С. 48–55.
7. Пушкарев, Л.Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников / Л.Н. Пушкарев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин, 1980. – С. 102–103.
8. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
9. Шмидт, С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: [сб. статей]. – М.: Наука, 1976. – С. 266–274.
10. Шмидт, С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С.О. Шмидт. – М.: РГГУ, 1997. – 612 с.
11. [Шмидт, С.О.] Обращение председателя Союза краеведов России, академика РАО Сигурда Оттовича Шмидта // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года): в 3 т. / отв. ред. Л.А. Вербицкая, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев. – СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2010. – Т. 1. – 766 с.
12. Bentley, M. Modern Historiography: An Introduction / Michael Bentley. – L.: Routledge, 1999. – 182 p.
13. Grever, M. Fear of Plurality: Historical Culture and Historiographical Canonization in Western Europe / Maria Grever // Gendering Historiography: Beyond National Canons. – Frankfurt; N.Y., 2009. – P. 45–62.
14. Sajjad Hosseini, S. Content Analysis and Understanding of the First Local History of Sheki Province in the 19th Century / Sajjad Hosseini, Hossein Mir J'afari, Loghman Dehghan Niyeri // Asian Culture and History. – 2013. – Vol. 5. – № 2. – P. 135–141.